

ИРКУТСКІЯ

ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

СВЯТЫЙ

февраля 5

Издаваеся

1883 г.

Выходятъ еже-
недѣльно.
Цѣна год. изд. въ
Ирк. 5 р., съ пер.
по поч. 5 р. 50 к.

Подписка при-
нимается искл.
въ Ред. Ирк.
Епарх. Вѣд. при
Духов. Семинар.

№

6

ф. 1173-24

СОДЕРЖАНІЕ: Высочайшій манифестъ. — Опрежденіе Святейшаго Синода.

Высочайшій манифестъ.

Божіею милостию Мы, Александръ третій, Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій, Царь Польскій, Великій Князь Финляндскій и прочая, и прочая, и прочая.

Объявляемъ всѣмъ вѣрнымъ нашимъ подданнымъ:

Богу угодно было призвать Насъ на Прародительскій Всероссійскій Престоль и нераздѣльные съ нимъ престолы Царства Польскаго и Великаго Княжества Финляндскаго; въ минуту страшнаго потрясенія, посреди тяжкихъ ощущеній скорби и ужаса, которымъ объяты были вмѣстѣ съ Нами сердца вѣрныхъ нашихъ подданныхъ, не благовременно было назначить и устроить торжество коронаванія. Смирясь предъ

неисповѣдимыми судьбами Провидѣнія и наказанія Господня, Мы положили въ сердцѣ Своемъ не приступать къ сему священному дѣйствию, доколѣ не успокоится чувство, возмущенное страшнымъ злодѣянiемъ, жертвою коего палъ благодѣтель своего народа, возлюбленный Нашъ родитель. Нынѣ наступаетъ уже время сотворить волю Господню и совершить завѣтное желанiе Наше и всѣхъ вѣрныхъ сыновъ Отечества: по примѣру благочестивыхъ Государей, предковъ Нашихъ, вознамѣрились Мы возложить на Себя корону и воспріять, по установленному чину, святое Мурономазанiе, приобщивъ къ сему дѣйствию и Любезнѣйшую Супругу Нашу Государыню Императрицу Марію Феодоровну. Возвѣщая о такомъ намѣренiи Нашемъ, долженствуемъ, при помощи Божіей, совершиться въ маѣ мѣсяцѣ сего года, въ первопрестольномъ градѣ Москвѣ, —призываемъ всѣхъ вѣрныхъ Нашихъ подданныхъ соединиться съ Нами въ горячей и смиренной молитвѣ: да соблюдетъ Господь Вседержитель Насъ и Царство Наше въ мирѣ и безопасности, да изліетъ на Насъ духъ премудрости и разума, да поможетъ Намъ, съ возложенiемъ Царскаго Вѣнца приснопамятныхъ предковъ, исполнить вѣрно принятый Нами обѣтъ: всего Себя посвятить благоденствію и славѣ возлюбленнаго Отечества, служенію правдѣ и попеченію о благѣ народа, Богомъ ввѣреннаго Нашему правленію.

Данъ въ Петербургѣ, въ 24-й день января, въ лѣто отъ Рождества Христова тысяча восемьсотъ восемьдесятъ третье, царствованія же Нашего во второе.

„АЛЕКСАНДРЪ“.

ОПРЕДѢЛЕНІЕ СВЯТѢЙШАГО СИНОДА.

Отъ 29-го октября 1882 года за № 2,282, о томъ, могутъ ли быть вносимы въ метрическія книги православныхъ церквей смертныя случаи иностранныхъ подданныхъ, не принадлежащихъ къ православному исповѣданію.

По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушалъ дѣло по возбужденному министерствомъ иностранныхъ дѣлъ вопросу: могутъ ли быть вносимы въ метрическія книги православныхъ церквей смертныя случаи иностранныхъ подданныхъ, не принадлежащихъ къ православному исповѣданію? Приказали: По поводу происходившей въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ переписки объ истребованіи метрической записи о смерти и погребеніи одной прусской подданной, проживавшей въ литовской епархіи, мѣстный сельскій священникъ заявилъ, что упомянутая иностранка, за неимѣніемъ въ ихъ селѣ лютеранскаго пастора, была похоронена тамъ, но такъ какъ церковными законами не вѣнено въ обязанность православнымъ священникамъ вносить въ метрическія книги лицъ другихъ христіанскихъ исповѣданій, то о смерти и погребеніи той иностранки не было записано въ метрическую книгу, а только сдѣлана о томъ надпись на національномъ видѣ. Вслѣдствіе сего министерство иностранныхъ дѣлъ просило объ увѣдомленіи, согласно ли внесеніе въ метрическія книги такого рода смертныя случаи съ постановленіями православной церкви, и въ случаѣ, если оно допускается нашими церковными законами, то сдѣлать распоряженіе о внесеніи въ метрическую книгу событія смерти и погребенія сказанной иностранки и о доставленіи министерству метрической о сѣмъ выписи. Литовское епархіальное начальство, рассмотрѣвъ собранныя по

этому требованію свѣдѣнія, нашло: 1) что въ дѣйствующемъ законоположеніи православной церкви нѣтъ воспрещенія вносить въ метрическія книги о смерти лицъ неправославнаго исповѣданія, погребенныхъ, за отсутствіемъ ихъ духовныхъ лицъ, православными священниками съ соблюденіемъ предписанныхъ по сему случаю обрядовъ, и внесеніе таковыхъ записей не противорѣчитъ духу церковныхъ постановленій; 2) что событіе смерти и погребенія упомянутой прусской подданной подтверждается совершившимъ погребеніе священникомъ и полицейскимъ актомъ. По сему епархіальное начальство заключило: принять къ руководству на будущее время, чтобы неотложно были вносимы въ метрическія книги православныхъ церквей записи событій смерти и погребенія такихъ лицъ другихъ христіанскихъ исповѣданій, кои были погребены православными священниками, составить запись о смерти и погребеніи названной прусской подданной, и запись эту внести въ метрическія книги за 1880 г., а свидѣтельство по сей записи выслать въ министерство иностранныхъ дѣлъ. Найдя такое заключеніе литовскаго епархіальнаго начальства правильнымъ и предписавъ преосвященному литовскому привести оное въ исполненіе, Святѣйшій Синодъ опредѣлилъ: для руководства въ подобныхъ изъясненному случаяхъ дать знать о вышеизложенномъ по духовному вѣдомству, для чего и напечатать настоящее опредѣленіе въ «Церковномъ Вѣстникѣ».

П Р И Б А В Л Е Н І Я

КЪ

ИРКУТСКИМЪ ЕПАРХІАЛЬНЫМЪ ВѢДОМОСТЯМЪ.

ФЕВРАЛЯ 5 № 6. 1883 г.

СОДЕРЖАНІЕ: Заштатный городъ Илимскъ.

Заштатный городъ Илимскъ, его древніе памятники и нѣкоторыя черты изъ его прежней церковной жизни, достойныя примѣчанія.

(Историко-археологическій очеркъ).

(Окончаніе).

Переходя къ изложенію событій изъ прежней церковной жизни г. Илимска, мы должны будемъ напередъ сознаться, что рѣшительно не имѣемъ данныхъ, на основаніи которыхъ могли бы прослѣдить послѣдовательность ряда указанныхъ событій отъ начала построенія перваго храма даже вплоть до конца прошедшаго столѣтія. Находящіеся на лицо церковные документы не восходятъ дальше этого времени. Надо предполагать, что документовъ отъ перваго соборнаго храма не осталось по причинѣ истребленія ихъ пожаромъ, спалившимъ и самый соборъ. Но куда могли дѣваться дѣла послѣдующаго времени, это остается во всякомъ случаѣ необъяснимымъ. Одинъ изъ пожилыхъ и опытныхъ старожиловъ г. Илимска передаетъ интересующимся городскою стариной за достовѣрное, что много старыхъ бумагъ развезено было прежними священниками и благочинными. Въ особенности, по его словамъ, они старались запасаться такими бумагами, на кото-

рыхъ положены были собственноручныя резолюціи святителя Иннокентія. Кстати сказать, илимскіе горожане еще лучше поступили со своимъ городскимъ архивомъ, заключающимъ въ себѣ много древнихъ свитковъ изъ синей толстой бумаги. Получивъ извѣстіе о назначеніи якой то ревизіи въ Илимскъ, горожане почували что то недоброе для себя. Составилось городское *вѣче*, и тутъ, между прочимъ, было рѣшено, *чтобы зло пресѣчь—всѣ книги сжечь*. Рѣшеніе не замедлило привести въ исполненіе. Поэтому мы должны будемъ ограничиться указаніемъ только на такія событія, которыя еще кое-какъ могли высказаться въ трудахъ такихъ лицъ, которые, при изученіи, на основаніи архивныхъ документовъ центральныхъ духовныхъ учреждений, сибирской старины, такъ, или иначе касались исторіи церкви г. Илимска. Разумѣется, что въ предлагаемомъ обзорѣ отрывочныхъ фактовъ по всѣмъ частямъ церковной жизни не можетъ быть и рѣчи о логической связи въ нихъ. Но тѣмъ не менѣе, мы все-таки попытаемся, по мѣрѣ возможности, удовлетворить любознательности нашихъ читателей, въ надеждѣ, разумѣется, на ихъ благосклонное снисхожденіе къ недостаткамъ настоящаго очерка. При изложеніи событій будемъ держаться хронологическаго порядка.

1663 г. 15 марта священникъ илимской церкви *Амвросій Леонтьевъ Толстоуховъ* подаетъ челобитную илимскому воеводѣ *Лаврентію Авдѣвичу Обухову*, въ которой, съ согласія своихъ приходскихъ людей ленскаго воеводы, проситъ у него дозволенія на цостроеніе въ киренскомъ погостѣ монастыря во имя живоначальница Троицы, затѣмъ указываетъ на необходимость отвода къ монастырю земли. Въ той же челобитной упоминается о *іеромонахѣ Гермогенѣ*, какъ о лицѣ, избранномъ имъ, Толстоуховымъ, въ должность строителя предполагаемаго монастыря. Воеводское дозволеніе послѣдо-

вало 1 июня того же года въ самомъ благопріятномъ смыслѣ для челобитчиковъ.

1665 г. Подъ этимъ годомъ мы должны будемъ записать одну трагическую исторію, героемъ которой сдѣлался только что упомянутый воевода Обуховъ, и которая имѣла, по странной случайности обстоятельство, вліяніе на позднѣйшую судьбу церкви илимской. Въ іюль мѣсяцѣ этого года въ Киренскѣ, тогда еще носившемъ названіе острога, была ярмарка. Сюда собрались окрестные инородцы, съ цѣлю взноса ясака въ казну государеву; здѣсь же проиходилъ и торгъ, состоявшій въ обмѣнѣ товаровъ между инородцами и русскими промышленными людьми. За наблюденіемъ надъ ярмарочнымъ порядкомъ, а главнымъ образомъ для пріема ясачныхъ взносовъ, въ видѣ разнообразной пушнины, на ярмарку прибылъ илимскій воевода Лаврентій Авдѣвичъ Обуховъ съ своею свитой. А свита его была многочисленна: при немъ были казаки, служилые люди, боярскіе дѣти, посадскіе, пріѣзжіе гостинные приказчики и даже одинъ заплечной мастеръ. Недумалъ Лаврентій Авдѣвичъ, чтобы онъ, окруженный толпой приближенныхъ и преданныхъ ему людей, могъ когда-либо подвергнуться какой опасности. А тутъ какъ разъ стряслась надъ его головой такая бѣда, что стоила ему даже жизни. Нѣкоторые изъ бывшихъ на ярмаркѣ промышленныхъ людей, недовольные распоряженіями воеводы, составили противъ него заговоръ и рѣшились убить его. И вотъ, по окончаніи ярмарки, когда Обуховъ съ богатою казною возвращался на суднѣ въ Илимскъ, ватага заговорщиковъ, предводительствуемая литвиномъ *Никифоромъ Романовымъ Черниговскимъ*, догоняетъ судно, дѣлаетъ на него ночью нападеніе и успѣшно приводитъ въ исполненіе свое злое намѣреніе. Изъ киренскаго острога, во избѣжаніе кары закона за свое преступленіе, злодѣи рѣшаются бѣжать въ *Даурию*, и насильно увлекаютъ съ

собою труда извѣстнаго уже намъ строителя монастыря іеромонаха Гермогена. Тамъ, на р. Амурѣ перебѣжчики основываютъ *Албазинскій острогъ*, а преподобный Гермогенъ закладываетъ, на память объ илимской Спасской церкви, монастырь во имя Всемилостиваго Спаса. Около двадцати лѣтъ невольный странникъ проводить на Амурѣ, не покидая мысли при случаѣ вернуться въ излюбленный имъ киренскій острожекъ. Случай этотъ представился только въ 1685 г., когда Албазинскій острогъ былъ взятъ и срытъ китайцами, и жителямъ его дана была свобода выбора мѣстожителства. И тогда, какъ сотрудникъ Гермогена, *священникъ Максимъ Леонтьевъ* *) изъявилъ желаніе отправиться въ столицу поднебесной имперіи, самъ Гермогенъ не опустилъ случая возвратиться на Лену, съ нѣсколькими другими, высказавшими намѣреніе сопутствовать ему. Этими, изъ даурской земли, выходцами вынесено было на Лену изъ албазинскаго монастыря нѣсколько св. иконъ. Одна изъ нихъ икона св. чудотворца Николая неизвѣстно какимъ образомъ занесена была въ *Мукское селеніе*, находящееся на илимскомъ волоку, въ 56 верстахъ отъ г. Илимска и послужила поводомъ къ построенію сначала простой часовни, а потомъ въ 1867 г. и церкви во имя сего святаго. Церковь эта считается приписною къ илимской Спасской церкви. Иконъ святителя Николая оказывается здѣсь и даже на Ленѣ особенное чествованіе. Были случаи, что ее въ години засухи и неурожаевъ нерѣдко обносили по селеніямъ, расположеннымъ по рр. Ленѣ и Ангарѣ, конечно, по желанію самаго населенія тѣхъ мѣстностей. Икона св. Николая принадлежитъ древней живописи; размѣрами она не значительна: высот. 2 четв., шир. 1 четв. и 2¹/₂ верха; имѣетъ серебряную ризу, сдѣланную неизвѣстно кѣмъ и когда.

*) Свящ. Михаилъ Леонтьевъ положилъ начало нашей миссіи въ Китаѣ. Онъ, говорятъ, былъ роднымъ братомъ илимскому священнику Толстоухову.

Немного спустя послѣ появленія въ 1681 г. въ Забайкальѣ монастырей—Троицкаго на Селенгѣ и Посольскаго на Байкалѣ, вся покоренная отважными казаками подъ высокую руку государеву территорія, заключавшая всю нынѣшнюю иркутскую губернію, забайкальскую и якутскую области, раздѣлена была, какъ извѣстно, въ церковно-административномъ отношеніи, „дабы вѣдати церковные догматы и духовныя дѣла“, на двѣ десятины: *даурскую* и *якутскую*. Г. Илимскъ былъ причисленъ первоначально къ даурской десятинѣ. Въ 1699 г. изъ якутской десятины выдѣлилась самостоятельная десятина *киренская*, съ отчисленіемъ къ ней, между прочимъ, и Илимскаго города. Въ 1709 г. киренская десятина вновь слилась съ якутскою; съ нею вмѣстѣ подчинился власти якутскихъ десятниковъ и нашъ Илимскъ. До времени же дѣленія восточной части тобольской митрополіи на десятины центромъ духовно-административнаго управленія всей указанной мѣстности, со времени самаго основанія, былъ исключительно Илимскъ. Это обусловливалось въ свое время важностію гражданскаго положенія города. До тѣхъ поръ, пока завоевательныя стремленія правительства направлялись исключительно къ сѣверовостоку Сибири; пока еще не утвердились окончательно въ мѣстностяхъ ея, лежащихъ южнѣе (въ Дауріи),—г. Илимскъ имѣлъ первостепенное значеніе: онъ былъ въ гражданскомъ отношеніи главнымъ административнымъ пунктомъ всего тогдашняго русскаго востока Сибири; въ его вѣдѣніи находились Ангара и Лена съ ихъ народностями—бурятами, тунгусами и якутами. И впоследствии, при существовавшей системѣ десятиннаго управленія, Илимскъ не терялъ совсѣмъ своего духовно-административнаго значенія: въ немъ вплоть до 1732 г. существовалъ *казакъ*, въ которомъ вершились всѣ дѣла, касающіяся церкви и духовенства илимскаго вѣдомства, раскидывавшагося тогда на цѣлыя тысячи

версть. Всѣхъ церквей въ илимскомъ вѣдомствѣ, напримѣръ, во время управленія иркутскою епархіею епископа Иннокентія Неруновича, состояло до двадцати, именно: илимская Спасская (соборная), въ илганскомъ острогѣ Богоявленская, въ Тутурской слободѣ Никольская, въ Орлинской Спасская, въ Усть-кутскомъ острогѣ Спасская, въ Чечуйскомъ Воскресенская, въ Сполошенскомъ Спасская (?), въ Тушамской слободѣ Покровская, въ Каралчанской Николаевская, въ Кежемской Спасская, въ киренскомъ погостѣ Николаевская, въ Братскомъ острогѣ Богоявленская, въ Окинской деревнѣ Ильинская, въ Шамановскомъ погостѣ Архангельская, въ Барлукской слободѣ Успенская, въ усть-удинскомъ погостѣ Богоявленская, въ Яндинскомъ острогѣ Преображенская, въ Новоудинской слободѣ Покровская. Христіанскаго населенія при всѣхъ исчисленныхъ церквахъ состояло до 18,400 душъ, проживавшихъ въ 1,700 дворахъ. Въ 1732 г. изъ Илимска за казъ переведенъ былъ въ Верхоленскій острогъ, и на мѣсто илимскаго закащика протопопа *Ивана Петрова*, взятаго къ отвѣтамъ и затѣмъ лишеннаго сана (увидимъ ниже почему), назначенъ былъ верхоленскій священникъ *Іоаннъ Шергинъ*. Закащику Шергину какъ-то тоже не посчастливилось; вскорѣ его обязанность возложена была на илганскаго священника *Луку Аванасьева*. Такое положеніе дѣлъ управленія продолжалось, кажется, до 1646 г., когда изъ киренскаго монастыря въ Илимскъ переведено было *духовное правленіе*. Илимскъ занялъ снова видное мѣсто. Какъ извѣстно, до 1727 г. нѣвшняя иркутская епархія входила въ составъ обширнѣйшей въ то время митрополіи тобольской. Только въ этомъ году поступило синодальное распоряженіе объ учрежденіи самостоятельной епархія иркутской. Бдѣленіе церквей для новой епархія изъ состава первой митрополіи тобольской поручено было митрополиту. При чемъ выказано было со стороны по-

слѣднѣе замѣтное пристрастіе, конечно, въ свою пользу. Многія мѣстечки и города, слѣдовавшіе къ отчисленію, по географическому и ихъ мѣстоположенію, ко вновь образуемой епархіи (по прежнему) оставлены были въ вѣдѣніи тобольской митрополіи. Въ числѣ таковыхъ былъ и Илимскъ. Но такое состояніе продолжалось не долго. Святитель Иннокентій, превзвѣщая о пользѣ и вѣренности ему и паствы и находя въ раздѣленіи епархіи неправильнымъ, вошелъ съ представленіемъ въ Св. Синодъ о новомъ разграниченіи сихъ епархій. Вслѣдствіе чего, по синодальному указу, отъ 1731 г., Илимскъ съ своимъ уѣздомъ въ числѣ другихъ присоединенъ былъ къ Иркутской епархіи.

Въ августѣ 1680 г. тобольскимъ митрополитомъ Павломъ илимскій протопопъ *Анастасій* командированъ былъ для освященія вновь построенной въ Иркутскѣ церкви Вознесенія.

Въ 1711 г. изъ московскаго сибирскаго приказа получено распоряженіе о выдачѣ, не въ примѣръ другимъ, илимскому соборному причту штатнаго денежнаго содержанія въ слѣдующемъ размѣрѣ: протопопу 7 руб., діакону 5 руб., дьячку и пономарю по 3 руб., просфорнѣ 2 р. въ годъ, да хлѣбнаго довольства: протопопу ржи и овса по 3 четверти съ осмой, діакону того и другаго по 2 четверти и 5 чегвериковъ, дьячку, пономарю и просфорнѣ того и другаго по 1 1/2 четверти въ годъ. Распоряженіе это мотивировалось слѣдующимъ соображеніемъ: *«что-де изъ Илимску прилегли по обѣ стороны камень и горы и лѣси черныя»*.

25 января 1720 г. Илимскъ осчастливленъ былъ небывалымъ посѣщеніемъ тобольскаго митрополита (Филофея), въ проѣздъ его изъ Тобольска въ Иркутскъ, а затѣмъ и въ Забайкалье. Въ илимскомъ соборномъ храмѣ отправлена была митрополитомъ въ этотъ день Божественная служба. Здѣсь

же, по просьбѣ крестьянъ Орлинской слободы, посвященъ былъ имъ во время совершенія литургіи во священника въ церкви той слободы нѣкто *Михаилъ Ипатьевъ*. Кромѣ того, отъ руки митрополита въ томъ же Спасскомъ соборѣ принялъ постриженіе въ монашество уроженецъ Соли-вычегодской *Нахомій Пономаревъ*, бывшій послѣ этого сначала именуемъ братской Спасской пустыни (давно уже не существующей); а затѣмъ въ 1732 г. переведенный на ту же должность въ киренскій монастырь.

Въ февралѣ мѣсяцѣ 1732 г. случилось одно, весьма печальное происшествіе, какъ плодъ жестокаго тогда Бировова образа управленія, съ однимъ изъ заслуженныхъ и уважаемыхъ прихожанами илимскимъ протопопомъ *Иваномъ Петровымъ*. Въ это время, по распоряженію иркутскаго архіерейскаго приказа, пріѣзжаютъ въ Илимскъ, для приема церкви илимскаго вѣдомства, оставшихся послѣ перваго разграниченія между тобольскою митрополіею и вновь образовавшеюся иркутскою епархіею все еще въ вѣдѣніи тобольскихъ митрополитовъ — іеродіаконъ *Тарасій* и находившійся при немъ пищикъ *Рѣщиковъ*. Протопопъ какъ-то сразу не поладилъ съ пріѣхавшими. Со стороны послѣднихъ приняты были мѣры къ тому, чтобы найти случай какимъ бы то ни было образомъ проучить непокорнаго. Желаніе ихъ исполнилось: они открываютъ за протопопомъ такое дѣло, которое окончательно губитъ его. Рѣщиковъ доноситъ на протопопа, что послѣдній не отправлялъ якобы Божественной службы и молебна въ 3 число февраля, въ день тезоименитства Анны Іоанновны, хотя и былъ въ то время совершенно здоровъ, потому что въ тотъ же день имъ отслужена была вечерня, а на завтра утреня и литургія. Обвиненіе не легкое по тому времени. Несчастнаго протопопа заковываютъ въ кандалы, и въ такомъ видѣ отправляютъ въ Иркутскъ. Въ Иркутскѣ онъ

ничего не могъ встрѣтить утѣшительнаго: послѣ смерти святаго Иннокентія архіерейская кафедра оставалась не замѣщенной, милости ждать было не отъ кого. Обвиняемаго заключаютъ въ застѣнокъ, гдѣ онъ сидитъ до конца 1634 г. (около трехъ лѣтъ), пока не получило отъ него рѣшеніе Св. Синода, состоявшееся 25 іюля того года. И какое же рѣшеніе?—Согласно мнѣнію тайной канцеляріи, на разсмотрѣніе которой препровождено было синодомъ дѣло о протопопѣ, опредѣлялось: *„обнажить его, протопопа, священства, отослать въ Иркутскъ (онъ уже тамъ былъ скованный болѣе двухъ лѣтъ) къ гражданскому суду, гдѣ учинить ему за оную важную вину наказаніе кнутомъ и отослать въ ссылку въ надлежащее мѣсто, не отписываясь за дальностію разстоянія въ Петербургъ. Но буде, по распросу, окажется какое злое его, протопопа, намѣреніе, то, по обнаженіи его священства, отослать еще въ гражданскій судъ къ розыску“*. Разслѣдованіе не открыло злаго намѣренія въ поступкѣ злополучнаго протопопа; тѣмъ не менѣе, онъ, въ силу прописаннаго рѣшенія, былъ лишенъ священнаго сана, битъ кнутомъ и отправленъ въ ссылку—куда—неизвѣстно. Въ ссылкѣ онъ находился до 1741 г.; тогда, со вступленіемъ на престолъ Елизаветы Петровны, объявлена была милость *всѣмъ впавшимъ въ преступленіе вину*. Протопопу велѣно было возвратити прежній санъ и прежнее мѣсто. Пришлось ли воспользоваться ему милостию благосердой монархини, или же онъ не дожилъ до дней общей радости всѣхъ, подобныхъ ему, страдальцевъ, объ этомъ не находимъ никакихъ указаній. Вѣрнѣе всего, измученный пытками, кнутами и ссылкой, бѣдный старикъ не въ силахъ былъ пережить своего горя. Отъ него остался сынъ Сергій, который впоследствии былъ священникомъ при китойской Христорождественской церкви.

Когда въ октябрѣ 1733 г. прибывъ въ Иркутскъ преосвященный Иннокентій Неруновичъ, илимскіе прихожане, соболѣзнуя о печальной участи, постигшей протопопа Ивана Петрова, обратились къ архипастырю съ просьбою возвратити имъ любимаго ими пастыря, который, по словамъ ихъ, всегда и вездѣ по службѣ церковной и по исправленію требъ примѣрно былъ исправенъ и находился у нихъ отъ лѣтъ древнихъ. Владыка, конечно, не могъ удовлетворить желанія просителей, а отвѣтилъ имъ присылкою на мѣсто протопопа священника *Теодора Сидорова Шастина*, служившаго предъ тѣмъ въ кудинскомъ приходѣ. Замѣчательная исторія этого священника стоитъ того, чтобы на ней немного приостано-

виться. Происхождение его остается для насъ неизвѣстнымъ. Въ 1717 г. онъ вошелъ въ письменное соглашеніе съ прихожанами Идинскаго острога относительно избранія его на должность приходскаго священника. Прихожане обязывались обезпечить его опредѣленными взносами за требоисправленія, а онъ, въ свою очередь, обѣщался быть у нихъ *въ добромъ съ ними согласіи, никакого надъ ними коварства не изыскивать.* Заручившись договорными документами, Шастинъ въ томъ же году отправился въ Тобольскъ за посвященіемъ во священники. Тамъ его встрѣтила неудача: митрополитъ былъ въ отсутствіи. Это однако не остановило настойчиваго искателя священства. Онъ направился въ Вятку, гдѣ и былъ рукоположенъ архіепископомъ Алексіемъ. На обратномъ пути митрополитъ Филоѳей снабдилъ его желанною грамотою. По возвращеніи въ Идинскій острогъ его встрѣтила другая неудача, болѣе серьезная. Находящійся при идинской церкви престарѣлый и болѣзненный, но не уволенный еще отъ службы, священникъ Сумеонъ предъявилъ протестъ управляющему Вознесенскимъ монастыремъ архимандриту Мисаилу. Слѣдствіемъ этого было то, что священникъ Шастинъ, не достигшій вполне желанной цѣли, вынужденъ былъ искать другаго мѣста. Его опредѣляютъ сначала на озеро Косоголь, потомъ въ Урикъ, вскорѣ затѣмъ опять въ Манзурку. Когда пронесся слухъ о намѣреніи быть въ Иркутскѣ митрополита Филоѳея, священникъ Шастинъ снова былъ перемѣщенъ къ идинской церкви. Съ отъѣздомъ же владыки, по настоянію того же священника Сумеона, бѣдный Шастинъ невольно перемѣщается ко вновь строившейся Барлукской церкви. Вскорѣ Сумеонъ умираетъ; Шастинъ предъявляетъ свои права на его мѣсто. Но тутъ опять таки его желанію не суждено было исполниться. Противникомъ ему на этотъ разъ становится зять его, вновь рукоположенный священникъ Григорій Смагинъ, который, заиспясь грамотою отъ митрополита Антонія въ 1724 г., дѣлается законнымъ преемникомъ умершаго Сумеона. А Шастинъ, по силѣ той же грамоты, переводится въ Усолье. Вскорѣ послѣ того прихожане Кудинской слободы ходатайствовали предъ Святителемъ Иннокентіемъ о назначеніи священника къ ихъ церкви. Выборъ Святителя палъ на Теодора Шастина, который и оставался въ Кудѣ до тѣхъ поръ, пока не получилъ назначенія въ Илимскъ. Не долго однако и здѣсь пришлось пресбыть о. Теодору. Илимцы горько жаловались на него преосвященному и просили замѣнить его другимъ — достойнымъ лицомъ. Въ это время въ Илимскѣ, въ

ожидаіи вторичной экспедиціи на востокъ Беринга, находилось нѣсколько П ссылаемыхъ правительствомъ въ Охотскій острогъ россійскихъ священниковъ съ семействами. Илимцы воспользовавшись этимъ случаемъ, просили снова преосвященнаго одного изъ нихъ, священника *Михаила Трифонова* оставить у нихъ вмѣсто *Шастина*. Трифоново и отъ себя просилъ о томъ преосвященнаго. Но такъ какъ по справкѣ изъ провинціальной канцеляріи оказалось, что относительно священника Трифонова нигдѣ не сказано, что онъ ссылается въ Охотскій острогъ безъ лишенія священства, то просители не могли получить желаемаго удовлетворенія. Затѣмъ, послѣдовала отъ прихожанъ новая просьба объ опредѣленіи къ нимъ другаго изъ пересыльныхъ священниковъ—*Ефрема Иванова*. Просьба эта была уважена. Такимъ образомъ, Ефремъ замѣнилъ для илимцевъ несчастнаго протопопа, а Шастинъ по вдовству взятъ былъ въ монастырь и постриженъ подъ именемъ *Теоктиста*. Изъ указа Св. Синода отъ 11 сентября 1733 г. видно, что священникъ Ефремъ Ивановъ состоялъ на службѣ при петербургской Предтеченской церкви, наказанъ за важныя вины плетью нещадно, но священства не лишенъ, что онъ, преосвященный, можетъ посылать его въ священнослуженіе по своему благоразсужденію.

Въ декабрѣ 1734 г. въ Илимскъ доставлена была партія колодницъ, состоявшая изъ двѣнадцати разстригъ раскольническихъ монахинь. Всѣхъ ихъ, по опредѣленію слѣдственной о раскольникахъ комиссіи, предписывалось заключить въ илимскій дѣвичій монастырь (?), съ тѣмъ, чтобы изъ монастыря нигуда и никогда не выпускать и писемъ ни къ кому писать не давать и даже видѣться имъ между собою не дозволять. Всѣ колодницы наказаны были кнутомъ. Очевидно, правительство было введено въ заблужденіе относительно существованія дѣвичьяго монастыря въ Илимскѣ: тамъ его никогда не было. Что же было дѣлать съ колодницами? Ничего, конечно, не оставалось, какъ только размѣстить ихъ по квартирамъ илимскихъ обывателей. Извѣстный намъ священникъ Ефремъ Ивановъ писалъ къ преосвященному, что *раскольническія старицы не всѣ стары и что есть опасеніе за ихъ нравственность, и даже наглядныя примѣты*. Въ свою очередь и сами колодницы слезно молили преосвященнаго, чтобы онъ сжалился надъ ними и помѣстилъ ихъ въ иркутскую женскую обитель, что *волочиться имъ между мірянами на квартирахъ тяжело*. Преосвященный, хотя и не имѣлъ еще дозволенія на перемѣну мѣстожителства ра-

скольницъ, тѣмъ не менѣе, и вынудился согласиться на ихъ просьбу, и колодницы были вывезены изъ Илимска.

Въ 1734 г. илимскій *діаконъ Алексій Семеновъ Шангинъ* преосвященнымъ Иннокентіемъ Неруновичемъ посвященъ былъ во священника къ Иркутской Прокопьевской церкви, съ назначеніемъ на должность поповскаго старосты, а затѣмъ и члена консисторіи.

Въ 1740 г. въ Илимскѣ исправлялъ должность причетника казанскаго Преображенскаго монастыря *архимандритъ Питиримъ*, подъ именемъ разстриги Петра. Жаль, что мы не знаемъ исторіи этого архимандрита. Навѣрное, и онъ тоже жертва биронсвицны.

Лѣтомъ 1743 г. чрезъ Илимскъ прослѣдовала часть отправленной тогда изъ Петербурга подъ начальствомъ архимандрита Хотунцевскаго камчатской миссіи. Самъ же Хотунцевскій прослѣдовалъ чрезъ Иркутскъ.

Въ 1748 г. иркутская консисторія, на требованіе Св. Синодомъ свѣдѣній относительно разстоянія кабаковъ и винныхъ подваловъ отъ храмовъ Божіихъ по епархіи, доносила туда между прочимъ, что въ илимскомъ вѣдомствѣ, въ самомъ городѣ Илимскѣ соборная церковь окружена виннымъ подваломъ и кабакомъ.

Въ 1760 г. священникомъ и вмѣстѣ заикачикомъ въ Илимскѣ былъ *Василій Іоанновъ*.

Этимъ пока мы и заканчиваемъ свой очеркъ.

Свящ. М. Сизой.

5 декабря 1882 г.

Редакторъ, Ректоръ Иркутской Духовной Семинар. *Архимандритъ Григорій*.

Печатать дозволяется: Цензоръ, Инспекторъ Иркутской Духовной Семинаріи *Яковъ Стуковъ*.

Иркутскъ, 1883. Типографія Н. Н. Сидицына, Харл. ул. д. № 92.